

Академии наук, а в 1878 г. Московский университет присудил ему за этот труд *honoris causa* ученую степень доктора по русской истории (именно русской – и Васильевский открыто гордился этим).

Верный своей исследовательской манере, в ходе работы Васильевский многократно расширил рамки работы: в его поле зрения оказались все события и регионы (не только в Византии, на Руси и в Скандинавии, но и на Кавказе, в Англии и Италии), связанные с упоминанием в источниках X–XI вв. “Руси” и “варягов”; помимо греческих и русских, в ход пошли источники скандинавские, латинские, восточные. Снова был произведен тщательный критический анализ всех данных источников. Именно Васильевскому принадлежит заслуга установления относительной достоверности содержащихся в исландских сагах песен скальдов в отличие от основанных на легендах самих саг³⁷.

Ход рассуждений ученого во многом ретроспективен: от известного к неизвестному. Коротко его выводы сводились к следующему.

Имя Руси (прилагавшееся тем чаще, чем древнее источник, к народу, а не к территории), вне всякого сомнения, на его взгляд, не славянское. Но оно не имело в X в. никакого отношения и к скандинавам-варягам. Древние русы-наемники появились в византийском войске скандинавов и никогда “варягами” в этническом смысле не назывались. Варяжский корпус прибыл в Константинополь впервые с Руси – и не в 980, а в 988 г. в результате союзного договора Владимира и Василия II Болгаробойцы. С численным увеличением наемников в империи, прибывших и прибывавших с севера, как скандинавов, так и русов (упомянутый корпус насчитывал 6 тыс. воинов), понятие “варяг” обрело значение рода занятий и статуса привилегированного иноземного воина-наемника, каково бы ни было его этническое происхождение. Тогда же (с конца X и особенно в XI в.) наименование “варяги” было постепенно распространено и на наемников-русов, которые сами стали также именовать себя подобным образом, не вкладывая в этот термин никакого этнического содержания³⁸.

Не была Русь скандинавской, и в IX в. Летописная же легенда о призвании варягов в 862 г. абсолютно неверна, полагает Васильевский, и находится в вопиющем противоречии со всем ходом исторического процесса, не говоря уже о том, что она не выдерживает никакой историко-этнографической критики. Пора перестать, полагал он, “толочь воду в скандинавской ступе”: Русь успела консолидироваться политически до прихода скандинавов³⁹. Доказательство этого тезиса Васильевский предпринял в более поздней работе, исследование же о варяго-русской дружине он довел до конца, до последней четверти XI в., когда на смену ей в Византии пришла дружина варяго-английская.

До 70-х годов XI в. варяго-русская дружина предстает как одна из наиболее боеспособных частей центрального (тагмного) войска воинов-профессионалов, перебрасываемая по мере надобности из конца в конец империи во всех наиболее тяжелых военных кампаниях против как внутренних, так и внешних врагов императора. В 988/989 г. варяго-русский корпус сыграл главную роль в разгроме войска узурпатора Варды Фоки. Тем самым были спасены не только трон, но и жизнь императоров Василия II Болгаробойцы и его брата Константина VIII. Оставленные в Византии с согласия князя Владимира варяго-русы сражались и на Кавказе, и в Сирии, и в Болгарии, и в Южной Италии и на Сицилии. Положение изменилось к концу 60-х годов в силу прежде всего перемен на Руси: она не могла более расточать свой воинский потенциал в условиях противостояния половецкой угрозе и феодальной раздробленно-

³⁷ Там же. С. 242.

³⁸ Там же. С. 376.

³⁹ *Васильевский В.Г.* А.А. Куник (Некролог) // ВВ. 1899. Т. VI. С. 612.